

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ШИЗОФРЕНИИ¹

Г. БЕЙТСОН

Настоящая статья представляет собой конспект лекции 1958 года и содержит совместные гипотезы группы по изучению шизофренической коммуникации, в которую входили Грегори Бейтсон, Джей Хейли, Джон Уикленд, доктор медицины Дон Д. Джексон и доктор медицины Уильям Фрай. Излагается подход с точки зрения стабильного состояния системы и механизмов его поддержания и вводится понятие даблбайнда как дилеммы самосохранения системы при угрозах и извне, и изнутри. Применяя этот подход к семье с пациентом-шизофреником, Г. Бейтсон указывает на такие угрозы, порождаемые межличностными взаимодействиями, и их следствия для пациента и его окружения. Обсуждается методологическое значение представленного подхода для широкого спектра социальных наук.

Ключевые слова: шизофрения, гомеостаз, Грегори Бейтсон, системный подход.

Стабильное состояние с точки зрения антропологии и психиатрии

Сразу после Второй мировой войны произошли существенные сдвиги всей теоретической структуры наук о поведении. Именно в эти годы кибернетика, теория информации и теория игр предоставили нам

¹ Bateson G., «Cultural Problems Posed by a Study of Schizophrenic Process» // Schizophrenia: An Integrated Approach, ed. Alfred Auerback, 1959. Эта лекция была прочитана на Симпозиуме по вопросам шизофрении, организованном Гавайским филиалом Американской психиатрической ассоциации, Сан-Франциско, 1958.

Проект финансировался Фондом Джосайи Мейси, управлялся Факультетом антропологии Стэндфордского университета и осуществлялся в госпитале Управления по делам ветеранов, Пало-Альто, Калифорния.

совершенно новые и гораздо более строгие модели для размышлений о социальных и межличностных процессах. Довольно грубые концепции *равновесия*, которые мы разрабатывали до войны, были замещены более строгими и более гибкими идеями, связанными с понятием *стабильного состояния*, которые следует использовать применительно к тем видам равновесия, которые поддерживаются гомеостатическими механизмами.

Вот пример таких перемен: полевые исследования в сообществах Новой Гвинеи демонстрируют нам работу двух процессов. С одной стороны, наблюдаются различные виды симметричного соперничества между индивидуумами и группами. Очевидно, что такие серии состязательных взаимодействий могут прогрессировать и в конечном счете становиться патогенными. Если состязательное поведение (индивидуума или группы) *A* провоцирует к состязанию соответствующую единицу *B* и наоборот, то система должна идти к разрушению, если только не возникает некоторый корректирующий феномен. С другой стороны, второй наблюдающийся процесс включает комплементарные мотивы (например, доминирование — подчинение, демонстрация — рассматривание, оберегание — зависимость), где поведение *B* согласуется, но не совпадает с поведением *A*.

Более того, оказывается, что эти комплементарные мотивы служат своего рода психологическими инверсиями симметричных мотивов. Если *A* и *B* находятся в симметричных отношениях, и *A* в некотором психологическом аспекте опережает *B*, то *B* будет отвечать попытками нагнать *A*. Если же *A* и *B* находятся в комплементарных отношениях и *B* отстал, он будет продолжать отставать. Можно сказать по-другому: в симметричных отношениях стимулом для агрессии *A* является сила *B*, тогда как в комплементарных отношениях *A* проявляет агрессию при виде слабости *B*.

Этот психологический контраст между двумя мотивами человеческих взаимоотношений дал начало гипотезе, объясняющей тот факт, что в культуре, где высоко развиты оба мотива, ни один мотив не может достичь интенсивности, разрушительной для системы. Гипотеза заключалась в том, что культура поддерживает психологическое равновесие посредством балансировки этих двух противоположных процессов, любой из которых сам по себе привел бы к ее разрушению. Однако никак не удавалось объяснить, как получается, что две этих тенденции имеют равную силу.

Когда данные были пересмотрены с точки зрения теории стабильного состояния, стало очевидно, что для баланса этих двух противоположных тенденций не требуется их простое совпадение. Дело в том,

что чрезмерное симметричное поведение активизирует ритуалы, акцентирующие комплементарность, и наоборот.

Подробный анализ подобного явления был опубликован [Bateson, 1936, 1958]. Здесь нам достаточно представить две идеи, связанные с концепцией *стабильного состояния*: 1) прогрессирующие изменения в любом направлении должны неизбежно разрушить существующее положение дел; 2) система, возможно, содержит гомеостатические петли (они же петли обратной связи), которые ограничивают или перенаправляют эти процессы, в противном случае разрушительные.

Разумеется, не все стабильные состояния желательны, и не все необратимые изменения нежелательны. Если у вас создалось подобное впечатление, то только потому, что картина была намеренно сильно упрощена за счет исключения больших гештальтов или контекстов, и особенно тех, которые включают длительные периоды времени. Гомеостаз новогвинейской культуры, которая была здесь кратко проанализирована, в равной степени способен удерживать эту культуру от адаптивных изменений к условиям двадцатого века. Стабильное состояние, которое, с одной стороны, столь прекрасно сбалансировано, в более широком контексте может привести к гибели системы. Нормы культуры могут быть таковы, что в длительной перспективе она не сможет ужиться с соседями, или не сможет существовать в более широкой структуре окружающей индустриальной цивилизации. В таком случае приходится заключить, что с точки зрения этих более широких обстоятельств гомеостаз нежелателен.

Вот конкретная иллюстрация: существующие на Новой Гвинее ритуалы комплементарного поведения, корректирующие чрезмерное симметричное соперничество, включают сексуальный трансвестизм. Вполне возможно, что эти ритуалы могут быть запрещены миссионерами или западным правительством. В подобном случае подчинение правительству означает риск внутреннего разрушения.

Этот общий теоретический подход непосредственно применим к проблемам шизофрении. Мы только что показали, каким образом культура может попасть в «даблбайнд» (*double bind*). С точки зрения культуры, она стоит либо перед внешним уничтожением, либо перед внутренним разрушением. Дилемма построена так, что становится дилеммой *само-*сохранения в самом буквальном смысле. Препрежне «Я» (*self*) не может выжить ни при каких обстоятельствах. Любой выбор сулит либо уничтожение со стороны окружающей среды, либо муки внутреннего разрушения. Даже если культура делает выбор в пользу внешней адаптации и совершает подвиг необходимой внутренней метаморфозы, то, что выживет, будет уже другим «Я».

Это краткое описание персонифицированной культурной системы показывает механизм разрушительного воздействия даблбайнда на самоидентичность.

Стабильное состояние семьи шизофреника

Дадим краткое формальное описание того вида взаимодействий, который, как мы обнаружили, характерен для образа жизни семей, содержащих шизофренических или околошизофренических индивидуумов. В первую очередь, как характерную черту надо отметить очень жесткую стабильность, которую Джексон назвал *гомеостаз* [Jackson, 1957]. Пока мы не можем сказать, какие именно переменные запускают корректирующие процессы этого гомеостаза, однако поведение системы как целого оправдывает использование этого слова. Если у идентифицированного пациента происходит улучшение, мы можем наблюдать множество видов скрытого давления, направленных на продление его болезни. Вместе с тем, хорошо известно много случаев, когда по мере выздоровления пациента некоторый другой член семьи начинает выказывать симптомы психиатрического стресса. Из этого следует, что гомеостаз этих семей организован не просто вокруг состояния инвалидности конкретного идентифицированного пациента. Создается впечатление, что те переменные, постоянство которых должно поддерживаться любой ценой, имеют более абстрактную и тайную природу. Дело не в том, что надо любой ценой удерживать идентифицированного пациента в состоянии помутнения рассудка. Скорее кажется, что пациент сам является соучастником и даже добровольной жертвой семейного гомеостаза. Если он перестает играть эту роль, есть вероятность, что некоторый другой член семьи примет эту роль вместо него. Как и многие другие сложные гомеостатические системы, патогенная семья способна восстановить потерянную часть подобно тритону, регенерирующему потерянную конечность.

Этот тип феноменов, конечно, хорошо известен в более широкой сфере наук о коллективном поведении [Redl, 1959], где подробно обсуждаются характеристики регенеративных процессов в детских группах, а также приводятся аналогичные примеры из области поведения животных, включая сообщества муравьев и пчел. Однако их природа и механизмы в целом малопонятны, кроме тех случаев, когда для регенеративных процессов имеются установленные процедуры. Мы кое-что знаем о том, как комитет регенерирует нового председателя взамен утраченного, но мы фактически ничего не знаем о процессе, который на-

чинается, когда тот же комитет теряет члена, который на заседаниях незаметно выполнял определенные каталитические функции. Иногда какой-то другой, ранее неактивный член «спонтанно» берет эти функции на себя.

Аналогичные феномены встречаются во многих биологических системах. Если, например, отрезать у новогодней елки верхушечный побег, *одна* из веток первого яруса под срезом выгнется вверх и заменит утраченную верхушку. Затем эта ветка потеряет свою прежнюю зеркальную симметрию и станет радиально симметричной как любой верхушечный побег. Такие системы лучше всего рассматривать как своего рода соревновательные. Различные индивидуумы, из которых состоит система (в данном случае ветки), находятся в таких отношениях, что в результате их взаимодействия кто-то всегда оказывается либо «победителем», либо «побежденным». Затем этот индивидуум специализируется на функциях этой роли и, выполняя эти функции, активно блокирует занятие данной специализированной роли другими индивидуумами.

Мы говорим об «идентифицированном» пациенте, а также о замещении этого индивидуума кем-то другим, однако иногда бывает трудно соблюсти деликатность и идентифицировать одного члена подобной семьи как более больного по сравнению с остальными. Если определить шизофрению не с точки зрения способности ладить с внешним миром, а более формально, с точки зрения искажения коммуникации, мы получим картину из трех или четырех индивидуумов, каждый из которых имеет искаженную манеру коммуникации, однако вписан в семейную субкультуру как ее дифференцированный член². Несомненно, эта патогенная субкультура является идиосинкразической и аномальной по отношению к прочим семейным субкультурам в сообществе, однако проблема гомеостаза у данной семьи вряд ли фундаментально отличается от проблем культурного гомеостаза в целом.

Члены патогенной семьи имеют определенное распределение ролей и образуют взаимодействующую и самоподдерживающуюся систему, внутри которой едва ли возможно указать на одного члена как на причину характеристик системы в целом. И действительно, чтобы назначить того или иного члена такого клубка на роль ответственного или виновного, нужно ответить на вопрос «Кто здесь самый больной?» Болезнь идентифицированного пациента наиболее очевидна,

² В связи с изучением различий субкультур нормальных семей Г. Бейтсон и У. Киз (Kees) сняли фильм «Коммуникация и взаимодействие на примере трех семей».

однако и сама семейная система выглядит странно, и странность можно отнести не столько к индивидуумам, сколько к предпосылкам, управляющим распределением их ролей.

Мы имеем дело с ситуацией, когда гомеостатические механизмы допускают изменения лишь в узко очерченной зоне. Фактически во многих случаях дело выглядит так, словно шизофреногенная семья может быть *стабильна* (т.е. в своих изменениях не выходить за узкие границы) только в присутствии *reductio ad absurdum* той философии, на которой основывается распределение ролей ее членов. И эта функция выполняется идентифицированным пациентом.

Что можно сказать о философии человеческих взаимоотношений, которая жизнеспособна только в присутствии собственной опровергающей антитезы?

Идея отнюдь не нова. Например, мы знаем, что для поддержания философии полицейского государства необходимо наличие явных преступников. Если же их нет или такое государство не может выявить настоящих преступников, оно фокусирует свое внимание на невинных козлах отпущения. Иногда даже *миф* о подрывной деятельности может помочь стабилизировать подобную философскую систему.

Как говорил Уильям Блейк: «Тюрьмы построены из камней Закона, бордели — из кирпичей Религии»³. Показательно, что полицейское государство, приведенное здесь как пример социологической системы, философия которой стабильна только в присутствии собственной антитезы, и в самом деле является системой, стимулирующей параноидальные и другие шизофренические симптомы у своих членов.

Также важно отметить, что эта философская система, несмотря на свою безжалостность, настойчиво демонстрирует показную доброжелательность и даже может называть себя «государством социальной защищенности».

Все это, однако, только аналогии и поэтические образы. В первую очередь от антропологов требуется общая теория семейного гомеостаза. Несомненно, это будет абстрактная теоретическая модель, полученная дедукцией из некоторого набора аксиом. Вероятно, она многим будет достигнута современной теорией игр и не в меньшей степени последним достижениям генетики и эмбриологии. Антропологи и другие ученые уже начали работать над этой и связанными проблемами [Bavelas, 1959; Romney, 1956; Von Neumann & Morgenstern, 1955; Waddington, 1957], однако пройдет еще несколько лет, прежде чем они смогут нам помочь.

³ «Prisons are built with stones of Law, brothels with bricks of Religion».

Пока же нам придется сосредоточить свои размышления о семейных субкультурах на более узкой области патогенной семьи.

Семейная система глазами двух индивидуумов

Ниже будет приведена комбинированная картина взаимодействий в таких семьях, взятая из наших съемок поведения подобных семей и терапевтических эпизодов. Шизофреническая коммуникация идентифицированного пациента соответствует тому, как он воспринимает происходящее между ним и другими членами семьи. Он «видит», что его постоянно помещают в контексты определенного рода, и нужно сказать честно, что в каждый данный момент этот контекст отчасти детерминирован его собственным предшествующим поведением. Другие члены семьи действуют и общаются таким образом, что усиливают у пациента такое восприятие и вытекающее из него поведение. Однако так же, как и он, они действуют соответственно контекстам, как они их воспринимают; при этом текущие контексты отчасти определяются их собственными предшествующими действиями. С точки зрения пациента, контексты имеют следующую формальную структуру: родитель, которого он одновременно напряженно любит и ненавидит, передает сигналы несочетаемой (*incongruent*) природы. Эта несочетаемость, возможно, наиболее очевидна, когда первая часть поведенческого акта родителя предшествует действию пациента, а вторая часть следует за ним. Например, родитель предлагает пациенту смело высказать свое мнение, а когда мнение высказано, обесценивает его как проявление черствости, предательства, неподчинения и т.д. Характерно, что первая часть поведенческого акта родителя кажется основанной на определенной модальности или философии межличностных отношений, тогда как вторая часть выглядит как опровержение и подмена этой модальности. Например, первая часть может быть шуточной (или серьезной). Пациент отвечает в соответствии с этой модальностью, и обнаруживает, что модальность переключилась. Предварительная стадия шутовства или серьезности была только ловушкой, предшествующей издевательствам.

С точки зрения пациента, ситуация, когда его ответ зажат между этими двумя модальностями, разрушительна для его личности. Его «Я» уничтожается в том же смысле, в каком в вышеприведенном примере разрушается «Я» (*self*) культуры, встретившейся с даблбайндом. То «Я», которое приняло родительский сигнал за чистую монету и дало соответствующий ответ, должно быть пересмотрено в пользу другого «Я», когда этот ответ принимается родителем не так, как его видит отправитель.

Если аудитория смеется в ответ на слова, которые я считаю серьезными, то может возникнуть искушение вообразить себя юмористом, но это представление о себе можно позднее и разрушить подобным же способом. Если данная группа не является патогенной, у меня должен быть шанс на стабилизацию в некотором непротиворечивом представлении о себе. Если же группа патогенна, она никогда не допустит этой стабилизации, — а я, в свою очередь, и не дам группе такой возможности.

Следует упомянуть и некоторые другие особенности такого контекста. С точки зрения идентифицированного пациента, имеется абсолютный запрет (действительный или кажущийся) на любое открытое привлечение внимания к родительской неконгруэнтности. Ранее говорилось, что пациент «видит» себя как бы в зажиме (*bind*), однако нужно уточнить, что запрет на комментирование ситуации может быть столь силен, что приводит к вытеснению самого восприятия зажима. Ни родитель, ни пациент не смогли бы действовать, вполне осознавая неконгруэнтность.

Также имеется запрет на бегство с поля действий, а также дополнительное требование родителя на реакцию со стороны пациента. Не допускается ни молчание, ни безразличие. Все эти запреты взаимосвязаны. И действительно, убежать с поля действий или проявить «пофигизм» — значит указать пальцем на неконгруэнтность.

Типичное шизофреническое сообщение

Понятно, что при подобных обстоятельствах любой человек будет защищать себя, отправляя такие сообщения, которые нельзя извратить. Типичный способ — это удаление из сообщения всего явного или подразумеваемого метакоммуникативного материала. Если вы возьмете телеграфный бланк, вы увидите поле для текстовой части сообщения, а также несколько других полей для данных, маркирующих этот текст, т.е. классифицирующих его по таким категориям, как «адресат», «отправитель», «время», «место», «срочность», «используемые коды» и т.д. В духе этой аналогии, шизофреник опустит или исказит все подобные данные, составляющие процессуальную часть его сообщения. Кроме того, он исказит и сам текст именно в тех пунктах, из которых можно сделать выводы процессуального или метакоммуникативного характера. Например, он будет избегать местоимений, а также любых указаний на возможный тип отношений между собой и тем, к кому он обращается. Он будет фальсифицировать приоритет своих высказываний, приписыв-

вая высокую важность сравнительно банальным сообщениям или отрицая важность сообщений, которые для него жизненно важны. Помимо этого, он может кодировать сообщение в метафорическую форму без указаний об использовании такого кода. Может быть даже наложен второй метафорический код поверх первого. И наконец, столь искаженное сообщение может быть выдано за объективное высказывание, касающееся какого-то другого реального предмета. Помимо этого, шизофреник может взять какое-то простое сообщение и сделать очень небольшие изменения, достаточные, однако, чтобы он мог тайно считать, что это *не его* сообщение. Например, он может назвать себя У. Эдвард Джонс, тогда, как его настоящее имя — Эдвард У. Джонс, как ребенок, который скрещивает пальцы за спиной, когда лжет.

Однако идентифицированный шизофреник может не только защищаться, но и нападать. Он может сделать попытку поменяться ролями с родителем, отвечая так, словно исходное сообщение родителя не таково, каким его видит родитель. Он может пытаться наложить на родителя запреты, окружающие даблбайнд: запрет на комментирование неконгруэнтности, запрет на уход с поля действий. Он может требовать реакции.

Как защита, так и нападение — это разумное поведение в том смысле, что его легко понять, если посмотреть на обстоятельства глазами шизофреника. Однако он выходит за рамки разумного, когда применяет эти коммуникативные трюки в ситуациях, которые обычный человек — язык не поворачивается сказать «нормальный» — не воспринял бы так, как их воспринимает шизофреник.

Здесь мы не станем отвлекаться на детальное обсуждение теории обучения [Bateson, 1942; Harlow, 1949; Ruesh & Bateson, 1951]. Мы ограничимся утверждением, что повторяющееся переживание взаимоподкрепляющих контекстов, которые (несмотря на возможные вариации содержания) постоянно имеют один и тот же формальный паттерн, обучит ожидать этот формальный паттерн везде. Индивидуум с таким опытом будет ожидать повторения подобных паттернов, и даже будет действовать, словно он окружен такими паттернами. Он будет делать это даже тогда, когда указания на существование таких паттернов минимальны и были бы неразличимы для других людей с другой историей. Например, вся теория переноса во фрейдовском психоанализе зависит от подобных допущений. Предполагается, что реакция пациента на аналитика связана с тем, что последний ведет себя так, как по представлениям пациента (возможно, бессознательным) вел себя его родитель. Другими словами, в присутствии аналитика пациент реагирует так, словно коммуникативное поведение аналитика создает структури-

рованные контексты, подобные тем, в которых пациент обучался есть, ходить, держать под контролем свой сфинктер и т.п.

В свете упомянутого положения теории обучения можно ожидать, что индивидуум, подвергшийся повторяющемуся травмированию даблбайндом, будет действовать так, словно его постоянно окружает этот травматический контекст, даже тогда, когда более нормальные индивидуумы сочтут такое поведение «сумасшедшим».

Оставим пока идентифицированного открыто шизофренического члена семьи, которого я изобразил в противостоянии с «родителем». Вообще говоря, ему придется иметь дело с двумя родителями, и теперь я должен описать семейную систему с их точек зрения.

Один из пациентов, с которым мы много работали, в День матери⁴ послал своей матери пошлую открытку с текстом «Той, что была мне как мать». Делая так, он, конечно, помещал ее в даблбайнд. С ее точки зрения, над любым ее будущим спонтанным материнским проявлением нависла угроза перемаркирования (возможно, незаслуженного) как какой-то театральной игры и лицемерия, не идущего от сердца. Вне зависимости от того, насколько заслуженной была колкость сына, она угрожала «Я» матери. Она немедленно приехала в больницу с открыткой в руке «узнать, что он имел в виду». Проявив исключительное мужество, сын смог сказать, что хотел «слегка ее уколоть», но такого ответа она принять не смогла. Она довела сына до полного замешательства и вынудила у него признание, что это было «сплошное недоразумение» [Haley, 1959].

Этот пример иллюстрирует одну из наиболее разрушительных форм даблбайнда, а именно, нападение на спонтанность или искренность. Она открыто используется родителем, когда идентифицированный пациент делает что-то, что может показаться щедрым или добрым. «Ты сделал это только чтобы понравиться. На самом деле ты этого не *хочешь*», или даже: «Ты сделал это только потому, что я тебя попросила». Верно и обратное: любой врач, имевший дело с явными психотиками, знаком с (часто завуалированным) недоверчиво-агрессивным отношением пациента к мотивам и спонтанности врача. Характерно, что этот вид даблбайнда противопоставляет внутренние процессы разума или души внешнему открытому поведению, что ставит жертву точно в то же положение, которое я рассматривал в связи с новогвинейской культурой: если не принести в жертву внутреннего человека, то внешнее поведение накликает уничтожение.

⁴ «Mother's Day» — официальный праздник в США и Великобритании, отмечается во второе воскресенье мая. В этот день принято дарить подарки матери и другим женщинам — членам семьи (*Прим. перев.*).

Фактически навязывание даблбайнда — это битва вокруг вопроса, чье «Я» должно быть разрушено. Базовой характеристикой такой семьи, разделяемой всеми вовлеченными членами, является допущение, что в этой битве «Я» уже разрушено или может быть разрушено — а *потому* битва должна продолжаться⁵. Как писал Льюис Кэрролл: «Раз Твиддлум и Твидлди *договорились* драться...»

Однако в изученных нами семьях мы обнаружили почти повсеместное скрытое соглашение родителей отрицать существование подобной борьбы. Идентифицированный пациент может знать о борьбе, но не смеет о ней упоминать. В конце концов, семья не пребывает в изоляции. Она — часть большего сообщества и имеет разнообразные внешние контакты, что держит «психически здоровых» членов семьи в постоянной тревоге. Один пациент точно выразил суть дела, когда я спросил его, чего больше всего боится его мать. Он ответил «неослабительная бдительность»⁶, искусно соединив в едином неологизме как ее направленный вовне страх потери престижа в глазах соседей в случае ослабления контроля над своей физиологией, так и ее внутренний страх перед возможной реакцией своего кишечника в ответ на попытки его контролировать.

Роль отца в целом кажется менее героической, чем роли пациента или матери. Когда сталкиваешься с подобной семьей, сразу возникает импульс как-то подстегнуть отца, чтобы он встал и разобрался с глубоким лицемерием и жестокостью, которыми он окружен. Возможно, это правильный импульс. Я пока не знаю.

Как бы то ни было, такой отец действует как еще один фактор удержания узких границ семейного гомеостаза. Его поведение в отношении идентифицированного пациента может варьироваться от пассивного согласия с мероприятиями матери — каковые мероприятия она обычно практикует и на нем — до активного участия в конструировании травматических контекстов для пациента. Он может поддерживать требование, чтобы пациент не покидал поля действий и реагировал. Он может активно высмеивать пациента, еще более снижая его уверенность в себе. Также возможно (хотя здесь у нас мало данных), что отец может способствовать созданию даблбайндов, делая замечания, звучащие контрапунктом к сообщениям матери, так что идентифицирован-

⁵ По вопросу математического анализа условий гомеостатического баланса при гонке вооружений см.: [Richardson, 1939].

⁶ В оригинале: «*apperiential securities*», т.е. речь идет о «мерах безопасности», связанных как с «*appearance*» — внешним видом, так и с «*aperient*» — слабительным (*Прим. перев.*).

ный пациент иногда зажат не между двумя высказываниями матери, а между одним высказыванием матери и другим высказыванием отца.

В одном известном нам случае мать отругала своего шестнадцатилетнего сына-психотика, когда тот назвал свою трехлетнюю сестру «мальчиком». Отец присоединился к ней и запретил сыну так говорить, но она повернулась и велела отцу заткнуться — она с этим разберется. Если бы пациент послушал своего отца, даже если отец только повторил слова матери, он поступил бы против воли матери.

Что касается примыкающего сюда вопроса о конфликте между отцом и матерью, результаты ясны: *завуалированный* конфликт дает тенденцию к усилению психотических симптомов идентифицированного пациента, тогда как переход конфликта в открытую форму дает тенденцию к уменьшению этих симптомов. Это же общее правило, как кажется, применимо и к властным фигурам, замещающим родителей, например, врачам и медперсоналу [Stanton, Schwartz, 1954].

Нет сомнений, что сокрытие конфликта создает для идентифицированного пациента сообщение, возможно даже приказ: не комментировать разногласий. Этого может быть достаточно, чтобы индуцировать у него то поведение, которое он научился проявлять в контекстах даблбайндов. Вопрос еще не вполне ясен, и сокрытие конфликта родителей может в равной степени быть для ребенка разрушительным требованием самоконтроля. Весьма интересно, что в балинезийских ритуальных спектаклях трансовое поведение у молодых мужчин индуцируется *открытым* конфликтом между родительскими фигурами Ведьмы и Дракона [Bateson & Mead, 1942].

Культурные проблемы

Следующее ниже резюме клинической картины семьи является попыткой поставить ряд вопросов перед антропологами. Приведенный выше краткий очерк, к сожалению, не является ни теорией шизофрении, ни даже теорией коммуникативных аспектов этой патологии. Скорее, это *семейство* подобных теорий. На основании сказанного можно сконструировать широкий спектр различных коммуникативных моделей, любая из которых может оказаться шизофреногенной. Я не пытался выбрать одну из этих альтернатив, а также не пытался давать классификацию возможных объяснительных моделей применительно к семье. Например, мы избегали чрезмерного фокусирования на роли матери в патогенной семье, поскольку в самой теории нет априорных соображений, которые заставили бы нас приписывать этому члену семьи

особое значение. Разумеется, мать имеет особые функции в ходе внутриутробного и младенческого периода жизни. Но это обстоятельство нерелевантно или второстепенно для формальной кибернетической модели. Сущности или индивидуумы, описываемые такой моделью, не являются людьми, и могут быть построены модели шизофреногенных систем, в которых роль, отведенная матери, может быть передана любому другому члену ближнего круга, и даже — это самый интересный случай — эта роль может быть нелокальной и распределенной. Семейная единица как целое может вести себя так, *как будто* содержит члена, чья роль будет совпадать с ролью, отведенной здесь патогенной матери, но может не содержать такого члена в явном виде. Патогенная природа семейной единицы может быть результатом ее характеристик как организационной сети. Если мы видим, что машина ведет себя так, словно содержит (*гомеостатический*. — *Прим. перев.*) регулятор, эта внешняя характеристика машины не дает нам права сказать, что внутри системы действительно находится *локализованный* регулятор. Характерная способность системы к самокоррекции может быть результатом совокупной сетевой структуры.

Что можно в итоге сказать о предложенном выше семействе теорий, каковы общие характеристики членов этого семейства теорий?

1) Теория предполагает наличие трех уровней или трех систем гештальтов: **A**, **B** и **C**, причем **A** есть часть **B**, а **B** есть часть **C**.

2) В этой системе переплетения интересов, сущности **A** способны к внутреннему гомеостазу, сложному обучению и сложной внешней коммуникации между собой. Это — аналоги человеческих индивидуумов.

3) Гештальт под названием **B** состоит из нескольких единиц **A**. Это — аналог семьи. Эта единица также характеризуется внутренним гомеостазом и, возможно, какими-то видами примитивного обучения.

4) Самый большой гештальт **C** — это аналог общества. Он состоит из множества гештальтов **B**. Эта единица также способна к гомеостазу, сложно организована и подвержена изменениям, которые являются социологическими аналогами обучения.

5) Теория патогенного процесса предполагает, что три этих гомеостатических гештальта могут быть взаимосвязаны следующим образом: сущности **A** (индивидуумы) содержат процессы с положительной обратной связью или процессы «регенеративного» типа, т.е. процессы, которые при отсутствии управления приведут к неограниченным однонаправленным изменениям и, следовательно, к разрушению системы **A** как таковой. Однако эти регенеративные процессы ограничиваются наложением гомеостатического управления. (Заметим, что утверждения о внутреннем

функционировании индивидуумов выходят за рамки психологических или антропологических исследований. Мы можем видеть и слышать только внешнюю коммуникацию индивидуума. Внутри «черного ящика» находится физиология.)

6) Единица **B** сконструирована так, что ее стабильность зависит от некоторых процессов, которые идут поперек гомеостатических процессов внутри индивидуума. Эти процессы мешают друг другу. Семья может быть стабильна, только если индивидуум ослабляет то внутреннее управление, от которого зависит его личная стабильность.

7) Аналогично, стабильность системы **B** как части большего сообщества **C** зависит от гомеостатических процессов, которые препятствуют тем процессам, от которых зависит собственная стабильность **B**.

Наши предсказания таковы: в любой подобной совокупной системе единицы уровня **B**, т.е. семьи, будут иметь характеристики, которые мы назвали *шизофреногенными*. Это значит, что взаимная коммуникация ее членов будет размывать, делать нечеткими их индивидуальности, и каждый член такой семьи будет испытывать определенное давление, подталкивающее его к доведению этого размывания индивидуальности до степени гротеска. Такое *reductio ad absurdum* (напоминающее метод «доказательства от противного») и называется *шизофренией*.

И наконец, стабильность семейной единицы повышается, если один из членов семьи становится на путь подобного гротеска и абсурдизации.

С этой обобщенной картиной в руках я хочу обратиться к моим коллегам-антропологам и предложить их вниманию некоторые вопросы:

1) Со времени публикации *Паттернов культуры* Рут Бенедикт [Benedict, 1934] антропологи проделали большую работу, чтобы показать, как в различных культурах происходит формирование характера индивидуума. Они показали, что в целом паттерны воспитания детей и семейные конфигурации, членом которых является ребенок, соответствуют паттернам взрослой жизни в сфере религии, мифологии, приемов ведения войны, технологии, искусства и т.д. Однако всегда акцентировался прямой вопрос: «Как в данной культуре из детей делают типичных членов этой культуры?» Но теперь встает обратный вопрос: «Каким образом предотвращается превращение детей в гиперболизированные версии культурной нормы, в карикатуры на нее?» Мы знаем, что в некоторых культурах время от времени спорадически появляются такие гиперболизации отдельных культурных паттернов. Какие сбои каких предохранительных процессов приводят к этим спорадическим гиперболизациям? И как предотвращается их более частое появление?

2) Первый вопрос поистине служит парадигмой для последующих. Для построения общей теории семьи (в которой патогенная семья будет

частным случаем) нам нужна картография гомеостатических механизмов, определяющих семейную организацию. Каким образом три названные выше гомеостатические системы — индивидум, семья и сообщество — взаимосочетаются так, чтобы избежать конфликта гомеостазов, который в данной теории считается патогенным? Антропологи пока дали на вопрос о гомеостазе лишь половину ответа. Они собрали данные, показывающие, что обучение, формирование индивидуального характера и дифференциация организационных структур являются направленными процессами. Но при этом они не задают обратных вопросов: «Каковы верхние границы развития процесса в данном направлении?», «Ограничивается ли процесс какой-либо корректирующей обратной связью?», «Какие переменные активизируют эту обратную связь?», «Какие “симптомы” индивидуального поведения или характеристик подгруппы служат для включения корректирующего процесса?».

3) Помимо общих вопросов гомеостаза в человеческих сообществах, сказанное о шизофрении ставит несколько более конкретных вопросов. Нет смысла просить антропологов собрать статистику заболеваемости шизофренией в различных культурах, пока это заболевание не определено способом, приемлемым с кросскультурной точки зрения. Мы можем, однако, поставить вопросы о видах семейных патологий, встречающихся в отдельных культурах, изучаемых антропологами. Выше я упоминал весьма заметные отличия семейных субкультур, имеющие место среди семей среднего класса городских районов северной Калифорнии (см. сноску 1). Нам нужны подобные исследования семейных субкультур в предположительно более однородных сообществах дописьменной стадии развития. Такая работа является необходимым предварительным этапом для изучения патологии семейного гомеостаза в различных культурных средах. Только после этого мы сможем задать осмысленные вопросы о специфических ролях отца, матери, супруга, дедушек, бабушек и т.д. в патогенных семьях в конкретной культуре.

Чтобы завершить на более позитивной ноте, заметим, что сказанное выше продемонстрировало обширные области, о которых мы почти ничего не знаем. Однако само то, что сегодня мы можем задавать подобные вопросы, — уже большое достижение. Концептуальные инструменты, позволяющие нам ставить такие вопросы, появились менее двадцати лет назад. Захватывающая работа по исследованию их потенциальных возможностей только началась.

Перевод: Д.Я. Федотов

ЛИТЕРАТУРА

- Bateson G. 1936. *Naven, a Survey of Problems Suggested by a Composite Picture of Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Bateson G. 1942. Comment on Margaret Mead's «The Comparative Study of Culture and the Purposive Cultivation of Democratic Values» // Science, Philosophy and Religion; Second Symposium, NY. Reprinted as: *Social Planning and the Concept of Deutero-Learning // Steps to an Ecology of Mind, 1972* (см. Социальное планирование и концепция вторичного обучения // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: URSS, 2005).
- Bateson G. 1958. *Epilogue 1958, In Naven, 2nd ed.* Stanford, Stanford University Press.
- Bateson G., Mead M. 1942. *Balinese Character: A Photographic Analysis*. NY, NY Academy of Sciences.
- Bavelas Alex. 1959. In «Group Processes». Transactions of the Fourth Conference. NY: Josiah Macy Jr. Foundation.
- Benedict R. 1934. *Patterns of Culture*. Boston.
- Haley Jay D. 1959. The Family of the Schizophrenic: A Model System. *Am. J. Nerv. Ment. Dis.* 129.
- Harlow H.F. 1949. The Formation of Learning Sets. *Psychol. Rev.* 56.
- Jackson Donald D. 1957. The Question of Family Homeostasis. *Psychoanal. Quart.* 31.
- Redl Fritz. 1959. In «Group Process». Transactions of the Fourth Conference. NY, Josiah Macy Foundation.
- Richardson L.F. 1939. Generalized Foreign Politics. *British Journal of Psychology*.
- Romney Kim. 1956. *Structural Analysis of Crosscousin Marriage*. Harvard University.
- Ruesch J., Bateson G. 1951. *Communication: The Social Matrix of Psychiatry*. NY, Norton.
- Stanton A.H., Schwartz M.S. 1954. *The Mental Hospital*. NY, Basic Books.
- Von Neumann J. and Morgenstern O. 1955. *Theory of Games and Economic Behavior*. Rev. ed., Princeton.
- Waddington C.H. 1957. *The Strategy of Genes*. London.

CULTURAL PROBLEMS POSED BY A STUDY OF SCHIZOPHRENIC PROCESS

BATESON GREGORY

The article represents the abstract of lecture of 1958 which contains the hypotheses by members of Project of schizophrenic communication study which included Gregory Bateson, Jay Haley, John Weakland, Don D. Jackson and William Fry. The approach of system stable condition and its' mechanism is described and the concept of double bind is explained as a dilemma of self-preservation in situations of both from within and without. Applying this approach to a family with a schizo-

phrenic patient G. Bateson points out the threats which come from his interpersonal relationships and its consequence for the patient and his relatives. Theoretical and methodological issues of this approach for other disciplines in social science are discussed.

Keywords: schizophrenia, homeostasis, Gregory Bateson, system approach.

- Bateson G. 1936. *Naven, a Survey of Problems Suggested by a Composite Picture of Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Bateson G. 1942. Comment on Margaret Mead's «The Comparative Study of Culture and the Purposive Cultivation of Democratic Values» // Science, Philosophy and Religion; Second Symposium, NY. Reprinted as: *Social Planning and the Concept of Deutero-Learning // Steps to an Ecology of Mind, 1972* (см. Социальное планирование и концепция вторичного обучения // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: URSS, 2005).
- Bateson G. 1958. *Epilogue 1958, In Naven, 2nd ed.* Stanford, Stanford University Press.
- Bateson G., Mead M. 1942. *Balinese Character: A Photographic Analysis*. NY, NY Academy of Sciences.
- Bavelas Alex. 1959. In «Group Processes». Transactions of the Fourth Conference. NY: Josiah Macy Jr. Foundation.
- Benedict R. 1934. *Patterns of Culture*. Boston.
- Haley Jay D. 1959. The Family of the Schizophrenic: A Model System. *Am. J. Nerv. Ment. Dis.* 129.
- Harlow H.F. 1949. The Formation of Learning Sets. *Psychol. Rev.* 56.
- Jackson Donald D. 1957. The Question of Family Homeostasis. *Psychoanal. Quart.* 31.
- Redl Fritz. 1959. In «Group Process». Transactions of the Fourth Conference. NY, Josiah Macy Foundation.
- Richardson L.F. 1939. Generalized Foreign Politics. *British Journal of Psychology*.
- Romney Kim. 1956. *Structural Analysis of Crosscousin Marriage*. Harvard University.
- Ruesch J., Bateson G. 1951. *Communication: The Social Matrix of Psychiatry*. NY, Norton.
- Stanton A.H., Schwartz M.S. 1954. *The Mental Hospital*. NY, Basic Books.
- Von Neumann J. and Morgenstern O. 1955. *Theory of Games and Economic Behavior*. Rev. ed., Princeton.
- Waddington C.H. 1957. *The Strategy of Genes*. London.